

СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА

Голубева Светлана Сергеевна родилась в 1967 году в пригороде Пскова. Автор четырёх книг стихотворений и прозы. Произведения публиковались в журналах «Уроки литературы», «Роман-журнал XXI век», «Народное творчество», «Огни Кузбасса», «Бийский вестник», «Аргамак», «Новый Енисейский литератор», «Толока», «Славянин», в сетевом альманахе «Стражник», в газете «Российский писатель». Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды», дипломант Международного конкурса литературы для детей и юношества им. А.Н. Толстого. Член Товарищества детских и юношеских писателей России. Член Союза писателей России. Поэт, прозаик, публицист. Живёт в Орле.

ИДЕАЛЬНАЯ КУКЛА (Рассказ)

Отец обучил сына плотничать, столярничать, а теперь и не знал, радоваться тому иль огорчаться.

– Главное, – внушал он отроку Федьке. – Улови ход рисунка древесных нитей не то что рукой – инструментом, понимаешь? Как мать наша. Та глазами знает, доброе ли тесто подошло, обминать или не надо.

И сын понял. Не сразу, конечно. Ковырял, ковырял парнишка поленце – отец не подгонял, знал, что время поможет, – и пошло.

Однако скоро выяснилось, что не станет молодец столы-стулья мастерить, дома ставить. Кукол-марионеток наострился выпиливать-вытачивать шельмец окаянный.

Игрушки хороши, а только где видано, кем заповедано, чтобы деревенский плот-

ник глупостями занимался. Люди к ним – с заказами, отец едва успевает, а отроче сидит: голову кулаком подпёр, новую невиданную куклу измышляет.

Глядел на то отец, ворчал-строжился, пенял малому за безделье, раз не сдержался, прикрикнул.

Не вынес юноша укоризны, ушёл из дому, куда ноги повели.

Долго о нём никакого помину не было. Через год-другой зашелестела молва: ходит по городам-сёлам кукольник. На площадях, в театрах такие представленья устраивает, что после финального занавеса тишина в зале ещё минут десять висит. Не хотят глаза видеть, как парнище кукол за тенета подёргивает, не желает ум понять: мастерству поражался иль чуду. Зрители расхо-

дятся ошеломлённые: так живо, так достоверно играют деревянные артисты.

Кукольник, именем Фёдор, – молчун молчуном. После представления в комнату на чердаке уходит, запирается. Ни поговорить с кем, ни стаканчик, прости Господи, пропустить не желает. Оттого в людях пуще интерес закипает. Вот и ломают, бывало, ближе к сцене – поглядеть.

По молодости Фёдор угрюмцем вовсе не был – мечтал больше. Хотелось ему новую куклу сделать лучше прежней. Со старыми куклами через время всё не то казалось, не так: движенья артистов угловаты, лица невыразительны. Новые пьесы для них сочинять раз за разом трудней.

Постепенно слились его чаяния и мечтанья в образ одной, необыкновенной, – совершенной куклы. Трудна задача, оттого притягательна, оттого манит в снах, подчиняет мысли. Только досадовал молодец, что мало времени думать да мастерить, надо представления давать. Как без них? Ночевье, инструмент-материал, да есть-пить – за всё плата нужна.

Пытаясь из дерева человека сотворить, возлюбя его ещё в мечте бесплотной, занелюбил кукольник людей – тех, кто его спектакли не дыша смотрел.

Каждый свободный час просиживал мастер над замыслом. Ловчели руки, и тем дивней становились представления. Но угрюмел и грубел Фёдор. Заодно грузнел и седел. Простой люд он уж ненавидеть забыл – злился теперь на богатую публику, какая тоже зазывать его стала, как только разведала мастерство кукольника.

Время знай катится, не мешкает.

У Фёдора денег скопился полон мешок, а мастер по-прежнему в худой одежде со старым самодельным инструментом в чердачной каморе обретаётся, где только кро-

вать да сундучище с куклами. Некогда мастеру удобствами заниматься – мечту воплотить надо.

Сколь сортов дерева перевёл, какие только лобзики-стамески под свою руку не изобретал! С ладони на ладонь лубяную болванку перенимал и подолгу держал навесу – ощущенья проверял, постигал дерево. Или закроет глаза, слушает: не вышепчет ли оно ему какие секреты. А дерево будто впрямь шептало, а погода заговорило, запело в работе и выдало, наконец, все свои тайны. Вышло-таки в одночасье как раз то, что столько лет мучительно снилось.

Взял мастер с верстака своё совершенное творенье дрожащими от восторга, не верящими руками. Как наречь новорожденца, какие роли ему поручить? Так и эдак решай – всё подходит новому артисту. Наперво Фёдор в клоуны его определил. Так и назвал – Клоун, – облачил по замыслу, пьесу для него сложил, читал ему даже, а тот чуть улыбочиво глядел на создателя. Понимал, чувствовал будущую роль, – так верилось мастеру.

С той поры у Фёдора в привычку вошло беседовать с любимцем, да и невозможно было не заговорить с ним.

С Клоуном подняла кукольника к небесам новая волна славы. Может, Фёдор привык бы к своему шедевру, перестал удивляться, если бы в одиночку им любовался. Зрители каждый раз приходили в восторг, неистовствовали, то радуясь, то сочувствуя чудесному артисту.

За этими бурями терялся сам создатель. Люди на спектаклях уже не только нитей марионетки не замечали, но и того, в чьих руках они. Фёдора это сначала забавило, потом смущение взяло: такое покло-

нение казалось странным, ведь как ни крути, Клоун всё же был вещью.

По вечерам мастер разбирал игру своего главного артиста: хвалил, журил. Если бы кукольника соседи слышали, приняли бы за умалишённого, хотя равнялось ли безумие Фёдора безумству зрителей на спектаклях?..

Сначала в чудодейственность деревянного артиста уверовали дети – им Фёдор позволил коснуться марионетки на счастье и теперь проклинал тот день. За ребятами ритуал подхватили взрослые.

Час-два после представления порядком уставший мастер должен был держать любимца публики, и скрепя сердце наблюдать, как несчётные жаждущие благоговейно касаются одежд деревянного артиста. Как ни тяготили люди мастера, он через силу, с душевной тяготой терпел. Зато дома, наедине с куклой, случалось, срывался в ругань.

– Что они к тебе так липнут? – скрипел сквозь зубы, искоса взглядывая на игрушку.

Кому как не мастеру знать, что у марионетки нет души, нет ничего запредельного, во что уверовала толпа.

Сильней безумствовали поклонники Фёдорова искусства, сокрушительнее становилась досада мастера. Он сгорбился и потемнел лицом, будто слава Клоуна нещадно давила на плечи. Тяжко покачиваясь, возвращался кукольник в каморку, ронял марионетку на ларь у окна, сам валился поперёк кровати и забывался бессвязным, бестолковым сном. Клоун всю ночь смотрел на хозяина и улыбался.

Очередным вечером после спектакля измученный Фёдор не бросил артиста, по обыкновению, на сундук. С долгим пристальным вниманием жадно принялся осматривать своё совершенное создание. Вот

шарниры суставов: нигде ничего не скрипит, не клинит. Вот личико со странной отрешённой полуулыбкой больше в глазах, чем на губах... Мастер искал изъяны. Не найдя, нахмурился, задумался и вдруг просветлел: шарниры, антрацитовый блеск глаз – и есть несовершенство! Разве у человека так бывает?

Скривив улыбку, Фёдор проговорил:

– Почему тебя любят, знаешь? Потому что тебя замыслил я, создал я, одушевил, как мог, и оболванил тобой тысячу простофилей.

Клоун пялился озорно, не умея сочувствовать.

– Тебя любят, притворщик, а ко мне даже ничтожный пьянчуга в кабаке не подсаживается – боится, но я докажу им...

Решился мастер раскрыть людям правду. Следующим вечером, когда спектакль закончился, вышел кукольник к зрителям и сквозь восторженный гул прокричал:

– Люди добрые, кукла моя – не чудо, а всего-навсего вещь для вашего увеселенья. Вот, трогайте, смотрите: дерево, шарниры, гвоздики.

И протянул марионетку в зал.

Что тут началось! Папаши с ребятами на плечах, женщины, парни с девушками лавиной хлынули к сцене, топтали друг друга, цеплялись за верёвки, рвали лоскуты с деревянного артиста. Суставы ему повредили, краску ободрали, и если б Фёдор не вызволил куклу, вовсе бы сломали.

Спрятав Клоуна в мешок, мастер кое-как отбил от обезумевшей толпы и бросился на улицу. Домой он двинулся окружно, бегом, стараясь не попадать в свет фонарей. Темнота, проливной дождь облегчили кукольнику бегство.

Едва отдышавшись, у себя в каморе вынул покалеченное творенье. Кукла смотре-

ла на него как будто с сожалением. Фёдор удивился:

– Калека несчастный, меня жалеешь? Почему? Жалеть может живая душа, а ты – кто? Или что...

Он всё ещё не мог унять дрожь, скрипнул зубами, бросил игрушку на кровать, покачиваясь, навис над ней и, тяжело дыша, прохрипел:

– Отвечай: где твоя душа? Бездушного нельзя пристыдить или унижить. Всё это терплю я, понимаешь, болван совершенный? Легко быть добрым, весёлым всегда и со всеми, когда не бьётся сердце, не болит душа... Ты отнял у меня всё. Я мог бы помогать отцу плотничать, радоваться жене и детям, мог в богатстве наслаждаться жизнью, известностью, поклонением, будь я менее талантлив и не сумей создать тебя, чудовище. Всё, что получил ты, – моё. На твоём месте должен быть я...

Фёдор махнул рукой. Ответа ждать – от кого? Спотыкаясь, довлачился до ларя с куклами и брякнулся на него.

Марионетка бездвижно лежала поперёк на постели, смотрела в потолок, рав-

нодушно снося проклятья, переходящие в невнятное брюзжание...

Наступило серое, как потолок каморки, утро. Маэстро очнулся и сразу почувствовал боль в затёкших членах. Он поднялся, потянулся, уперев кулаки в поясницу. Спать поперёк кровати не очень-то удобно. Оправив измятые клоунские штаны, накинув на плечи широкие лямки, он подошёл к окну, возле которого стоял театральный ларь, и взял на руки своего любимца.

– Ай-яй-яй, – мягко пожурил он куклу, оглядывая её истрепавшийся кафтан. – Фёдор Степаныч, Фёдор Степаныч, почему не следите за своей наружностью? Вы ведь у нас прима. Мне приснился замечательный сюжетец. Про деревенского плотника и его талантливого, но несчастного сына. Вам опять достанется главная роль.

Эдак Клоун выговаривал марионетке-мастеровому, бережно укладывая его в сундук к остальным артистам.